

Евгений МЕЛЬНИКОВ

«А В ЦИРКЕ ШИРОКИЕ ДВЕРИ...»

Тридцать лет прошло с памятного дня — 11 февраля 1971 года, когда на манеж нового, стационарного (вообще-то их зовут зимними) цирка вышли артисты премьерной программы — «звездные канатоходцы» Волжанские, тувинский артист Оскал-Оол, джигиты «Иристон» во главе с народной артисткой РСФСР Дзерессой Тугановой, клоун Валерий Мусин. Кстати, именно он, сын незабвенного коверного Хасана Мусина, первым вывел на манеж дрессированную кошку Мымру и играл с ней в ладушки. Работали в первой программе акробаты Канагины. В этой всемирно известной акробатической труппе выступал тогда и молодой акробат Николай Тарасов. В парад-прологе он выносил знамя советского цирка. А ныне Николай Иванович Тарасов — художественный руководитель и директор Новосибирского цирка. Первое представление артисты посвятили строителям цирка — были отпечатаны специальные программки и приглашительные билеты.

В нашем городе любят отмечать юбилеи. Иной раз пяти-, десятилетние. Но вот **СТОЛЕТИЕ НОВОСИБИРСКОГО ЦИРКА** власти умудрились не заметить. А ведь сто лет назад именно цирк был первым массовым зрелищным учреждением в Ново-Николаевске.

Первые цирковые балаганы появились на базарных площадях нашего города уже в 1899 году. Начиная с 1904 года, в Ново-Николаевске, ближе к масленице, на Кабинетной площади строились каркасно-засыпные цирки. Это были круглые шатровые деревянные здания. Вокруг арены стояло два ряда кресел, далее располагались ложи, за ними скамейки и, наконец, галерка. Вход на галерку был прямо с улицы. Принадлежали цирки частным владельцам. В разные времена (1904-1929) в городе работали цирки Коромыслова, Янушевского, Изако, Стрепетова...

Кабинетная площадь ограничивалась улицами Кабинетной (Советской), Кузнецкой (Ленина), улицей Гондатти (Урицкого) и Барнаульской (Щетинкина). Причем на площади строились одновременно два цирка — на углу нынешних улиц Урицкого и Ленина (на месте водного института) и на углу улиц Щетинки-

на и Урицкого. В революционные годы в цирках проходили митинги и собрания. Один из цирков сгорел — в те годы цирки часто горели и в прямом, и в переносном смысле. В цирке же, стоящем на месте водного института, в 1925 году был первый в городе спортзал. Через год его снесли: началось строительство Дворца Труда.

В том же, 1926 году, было построено новое здание каркасно-засыпного цирка на Андреевской площади — на углу улиц Кабинетной (Советской) и Вагановской (Фрунзе).

Несмотря на то, что в 1923 году на базе секции цирка был организован государственный цирковой трест — ЦУГЦ, -- большинство цирков за Уралом, в Сибири и Средней Азии продолжали быть частными. Хозяин «от себя» выплачивал жалование каждому артисту. В 1929 году в цирке Янушевского артисты организовали забастовку -- хозяин долгое время не выплачивал жалование.

Решением СНК РСФСР в 1931 году ЦУГЦ был ликвидирован и вместо него было учреждено ГОМЭЦ — государственное объединение музыки, эстрады и цирка. Вот с этого момента цирк в Новосибирске стал государственным.

Обо всем этом в свое время мне рассказал Григорий Иосифович Казарновский — первый директор Новосибирской студии телевидения. В 30-е годы Казарновский был известным в городе спортсменом и весьма увлекался цирком. Увлёкся настолько, что в качестве воздушного гимнаста дебютировал на цирковом манеже. Первое выступление стало и последним. Отец Казарновского, узнав о цирковых геройствах сына, жестоко избил его. На этом цирковая карьера Григория Иосифовича закончилась.

К Борису Вяткину — народному артисту РСФСР — судьба была более благосклонна. Вот что он пишет в своей книге «Жизнь клоуна».

«Летом 1926 года мы перебрались в Новосибирск. Первый город в моей жизни. Все в нем было новое и необыкновенно интересное. Но самым интересным показалась мне наклеенная на тумбе огромная цирковая афиша. Увидев ее, я со всех ног пустился на поиски цирка.

В центре города стояло круглое деревянное сооружение с высоким куполом. Рядом — сбитые из фанеры, почти игрушечные будочки. Я быстро попытался заглянуть в главную дверь цирка, но усатый дядька в толстовке прогнал меня. Выход оставался только один — забраться на крышу и в маленькое окошечко посмотреть: что же все-таки там внутри. Я сгорал от любопытства, и оно оказалось сильнее страха сорваться с крыши. Через несколько минут я был в цирке. Точнее, не я целиком, а только моя голова с кепкой. Окно было маленьким, предназначалось для вентиляции, и плечи в него не пролезли.

Прошло с того дня сорок семь лет, а я до сих пор помню почти всю программу. Мне понравились очень смешные буффонадные клоуны. Удивил меня чревовещатель Бавицкий, который разговаривал со своим «партнером» — куклой Андрюшей. Каждое слово их комического диалога вызывало раскаты смеха. Восхитили дрессированные лошади замечательного русского артиста Ивана Абрамовича Лерри, воздушные гимнасты Мария и Александр Ширай, работавшие на жестких качелях.

Каркасно-засыпной цирк на Андреевской (Кондратюка) площади.

В июне 1930 года меня, семнадцатилетнего паренька, зачислили униформистом в Новосибирский госцирк.

Вместе со мной униформистами работали веселые молодые ребята. Жили мы дружно, каждый мечтал стать артистом. Почти все осуществили свою мечту. Виктор Лисин стал выдающимся воздушным гимнастом. Борис Ильин и Герман Терентьев — гимнастами, Иван Стутин — эквилибристом, Валентин Маковников — клоуном.»

В 1934 году народный артист республики Алибек Тузарович Кантемиров впервые в новосибирском цирке поставил пантомиму «Абрек Заур». Первым на периферии новосибирский цирк стал постановочным.

В тридцатые годы на задах тогдашнего клуба имени Сталина, напротив театра «Красный факел», в начале лета ставили шапито. Меня впервые в цирк привели в 1943 году. Первое, что я увидел, — дуровских животных, гигантскую слониху Рези. Кто ж тогда знал, что через много лет я познакомлюсь с Рези... Не знал я тогда, что в дуровском коллективе работает юная Тереза Дурова и что через пятьдесят шесть лет вместе с ней, уже народной артисткой России, буду вспоминать шапито сорок третьего года. Вот что рассказывала Тереза Васильевна:

- После фронтовых бригад мы добивались на каких-то машинах до Новосибирска, потому что папа был уже здесь, с животными. Мы появились в Новосибирске. В этом шапито. Все жили мы на частных квартирах, никаких гостиниц не было. В это время здесь был в эвакуации в вашем театре «Красный факел» ленинградский театр драмы. И мы со всеми актерами встречались в столовой. Каждый ходил с баночками, с судочками, кастрюлечками... Вот я сейчас вспоминаю эту очередь. Кто был в этой очереди! Я впервые увидела Черкасова, Симонова... Это золотая очередь! Это такие стояли актеры! Можно было с

Шапито напротив театра «Красный факел».

ума сойти! В то же время такие же знаменитые цирковые актеры стояли. И драматические. Это был цвет искусства.

Вечером, утром — репетиции. Я уже ездила на маленькой лошадке, выходила в парад. Я пропала на конюшне, чистила клетки, кормила пони. Я мечтала стать дрессировщицей. Но репетировала и акробатические трюки, прыгала очень хорошо. Папа хотел сделать для меня акробатический номер. Я очень хорошо стояла на голове — красиво делала копштейн, говорили — у меня есть способности. Но главное, мне выпала судьба работать с выдающимися цирковыми артистами — Бугримова, Буслаев, Симадо... коверные Мусин, Антонов, Ширманы. Это же сказка, когда я вспоминаю знаменитых артистов, которые стояли со мной в манеже. Какие звезды циркового искусства! Корифеи. Тяжело было, но было и прекрасно. Была дружная семья. Мы делились каждым куском хлеба — не давали друг другу умереть. Я часто вспоминаю это время, оно мне безумно нравится.

Тогда, по старой цирковой традиции, представление состояло из трех отделений, разделенных двумя антрактами. Шпрехштал-мейстером — сейчас их именуют инспекторами манежа — был представительный, чернофрачный Сим Ильич Розенталь. А клоуном моего детства был Георгий Карантонис.

В начале войны цирковые коллективы перекочевали за Урал. Цирковой коллектив народного артиста Анатолия Григорьевича Дурова летом работал в новосибирском шапито, а на зиму уезжал в Кемерово, в старенький зимний цирк.

И если бы каждое открытие сезона из-за форганга не появлялся бы Сим Ильич, а на манеж бы не выходил Карантонис, это был бы какой угодно цирк, но не новосибирский.

Когда заканчивался первый антракт, третий звонок собирал зрителей, луч прожектора высвечивал оркестр и тогдашний дирижер оркестра Георгий Габескерия (нынешний руководитель эстрадного оркестра Грузии, народный артист Грузии) с непривычным акцентом, единым, бесконечным, щемлящим речитативом — не пел, а как бы проговаривал:

*Сердцем воина хранимая,
Скоро ночь кончается.
Засыпай, моя любимая.
Пусть мечты сбываются!*

Потом уже, много лет позднее, разделилось это бесконечное слово на три — СЕРДЦЕМ ВОИНА ХРАНИМАЯ, очень нужные всем — и большим, и малым, собравшимся в цирке.

Артисты цирка часто бывали в госпиталях у раненых, отдавали сборы от представлений в оборонный фонд. Позднее, собирая по крохам историю новосибирского цирка, я обнаружил в газете «Советская Сибирь» за 3 июля 1941 года объявление: «Госцирк. Ночное представление. Начало в 12 часов. Сбор поступает в фонд помощи семьям военно-служащих-фронтовиков».

Пел Габескерия перед вторым отделением. Третье же — аттракцион, гвоздь программы, о нем кричали афиши, на него шли. Петь перед третьим отделением, по моему мальчишескому разумению, было просто неудобно.

Особой популярностью пользовались «мировые чемпионаты французской борьбы».

Зрелищ в те годы было небогато, и народ валом валил в потрепанное шапито на чемпионат французской борьбы, радостно наблюдая схватки на борцовском ковре, болея безудержно за своих фаворитов. Самым популярным был, конечно, Ян Цыган. Был и еще один безусловный фаворит сибиряков — Франк Гуд. Чернокожий борец стал немыслимым событием для жителей сибирского города. Многие ходили в цирк специально для того, чтобы посмотреть на «настоящего» негра. Уроженец США, он приехал в СССР в 1934 году вместе с Полом Робсоном, который был женат на сестре темнокожего гиганта. Зрителям, понаслушавшимся о бесправных американских неграх, безумно нравилось, что борец обрел свободу в Советской стране и как равный выходит на ковер бороться с «белым» партнером.

В шапито работали лучшие номера и аттракционы советского цирка. Ни один мало-мальски известный артист, номер или аттракцион не миновал Новосибирска. Перечислить все просто невозможно. Легче взять энциклопедию цирковую и читать ее от «А» до «Я».

Новосибирск был одним из первых гастрольных городов Юрия Никулина, Михаила

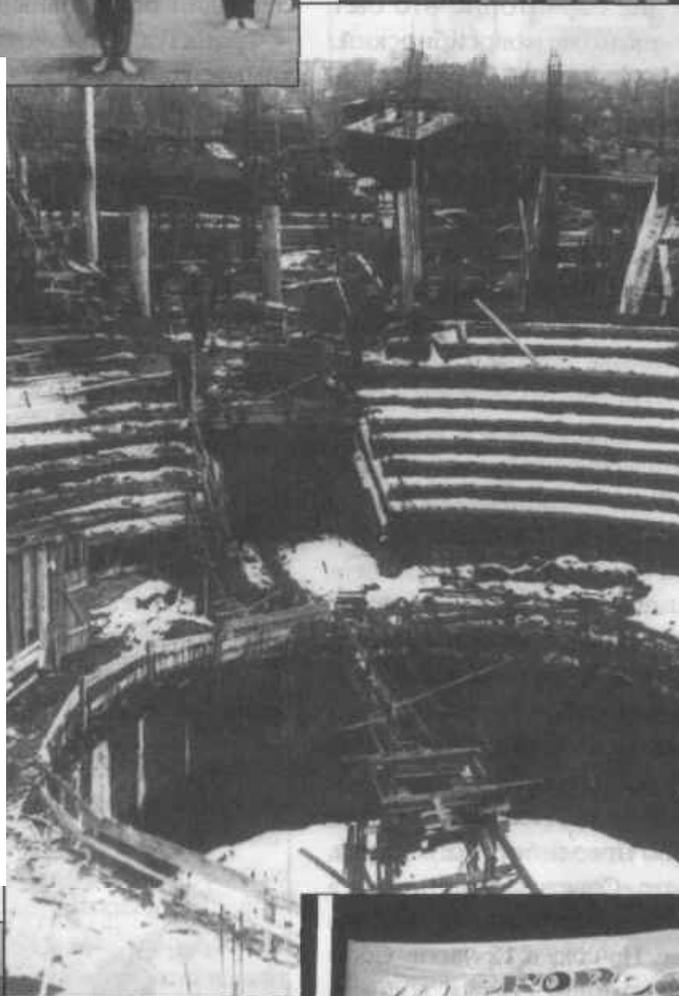
Д.К. Бабин с коверными Георгием Карантони-сом и Акрамом Юсуповым.

Парад-алле первого представления. В центре с флагом — Николай Тарасов.

Директор цирка Даниил Кириллович Бабин и его заместитель Евгений Владимирович Шурупов.

Строительство стационарного цирка.

Акробаты на слонах открывают сотый сезон

Шуйдина, Олега Попова. Новосибирский манеж стал и одним из последних манежей, на которых завершал свою блистательную карьеру Юрий Владимирович Никулин. Было это летом 1978 года. Вообще-то цирковые — люди доступные. Никулин — не исключение. У меня хватило ума во время нашего разговора держать под рукой диктофон:

— Прошло тридцать лет с тех пор, мы уже стали работать самостоятельно, разъезжаем по городам, а я все вспоминаю Новосибирск, потому что он тогда еще понравился тем, что публика здесь хорошая, зритель хороший, цирковой, любит цирк. В этом мы убедились, когда работали здесь. Представьте — мы должны были заканчивать наши гастроли, билеты были все проданы, принимали хорошо, и вот на завтра — последнее представление. Ночью — ураган страшный. Срывает шпигит, уносит за полкилометра, цирк стоит голый, снег идет, мокро, ужасно холодно. Директор цирка сказал: «Ну, что ж, последнего представления не будет. Объявим по радио, что публика, купившая билеты, может сдать их обратно в кассу и получить деньги». Вдруг приходит толпа людей, никто не сдает билеты, а говорят — будем смотреть цирк так, без купола! И мы выступали! Публике-то хорошо было — все пришли в шубах, валенках, шапках. Сидели на заснеженных местах. А мы-то к этому не были приспособлены. Представляете? Я вспоминаю, как одна артистка на проволоке, а у нее костюм-то — всего трусики илифчик. Так она только к концу номера стала розовенькая, а ходила синенькая вся. И нам тоже пришлось. У нас была последняя клоунада — мы обливались водой, все втроем — и Шуйдина, и Карандаш. Прямо с ног до головы. Такая была смешная клоунада. И мы спросили у Карандаша: «Может, не будем обливаться?» — Он говорит: «Будем! Публику обижать нельзя!» И мы обливались. Публика смеялась. Так мне вспоминается Новосибирск.

Самое удивительное, что я был на этом представлении. И когда на манеж посыпался

Программа и приглаательный билет на открытие цирка.

снег, Карандаш своим ни на что не похожим голосом крикнул:

— Снежная фантазия!

Я тут же напомнил об этом Юрию Владимировичу.

— Да, так было, — сказал он.

История новосибирских цирков будет неполной, да просто невозможна без упоминания имени одного из энтузиастов циркового искусства — Даниила Кирилловича Бабина. Его цирковая биография начиналась несколько неожиданно. В 1944 году, после ранения, он вернулся в родной город. Тогдашнее городское начальство предложило фронтовику... возглавить цирк. Что из этого вышло? Приведу всег две цитаты: «Мы, артисты, знаем Даниила Кирилловича четверть века и всякий раз отмечаем его деловую распорядительность, неутомимую энергию, большое трудолюбие... Мы побывали во всех цирках нашей страны и считаем, что Даниил Кириллович является одним из лучших руководителей нашей системы...» Так писала народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда Ирина Николаевна Бугримова. А вот слова народного артиста республики Ивана Рубана: «С работы Новосибирского цирка надо брать пример — он радуется своей

высокой культурой, удивительно уважительным отношением к зрителям».

Бабин был инициатором строительства стационарного цирка. На много лет стал директор «по совместительству» прорабом: сначала строил цирковую гостиницу — дом родной для артистов, круглый год кочующих по городам страны. Потом четыре с половиной года строил нынешний цирковой дворец.

Ближайшим помощником Бабина был Евгений Владимирович Шурупов. Евгению Владимировичу, бывшему цирковому артисту, в прошлом году исполнилось 80 лет, но он бодр, разговорчив и охотно поведал о совместной работе с Бабиным, о том, как выбирали место для стационарного цирка, как его строили:

— Проект специально для Новосибирска выполнил «Гипротеатр». Автором проекта был Неприенко, не помню имени-отчества, а архитектором Саломея Максимовна Гельфанд. Место для цирка выбрали не сразу. Мы ездили с Бабиным и Виктором Михайловичем Мануйловым, начальником управления капитального строительства, по городу и смотрели, где цирк лучше всего станет. Много было вариантов: в Ленинском районе, на площади Карла Маркса, в Березовой роще, на месте нынешнего ДК «Строитель», даже шел разговор о том, чтобы строить на Красном проспекте, на месте нынешнего Дома быта. Но остановились на пересечении улиц Нарымской и Челюскинцев. В то время там стояли сплошь маленькие деревянные частные дома. Чтобы освободить площадку под строительство, пришлось расселить 146 семей. Место было низкое, понадобилась подсыпка грунта на два метра. Забили 820 свай, и пошло строительство. Все строительство курировал начальник «Новосибирскглавстроя» Павел Петрович Начаров. Вел строительство 30-й трест, СУ-23 — строители, и СУ-36 — отделочники. В 65 году начали строить, а в 70-м цирк приняла государственная комиссия — с оценкой «отлично».

Долго поработать в новом цирке Шурупову не пришлось. Приказом по «Союзгосцирку» он был переведен заместителем директора в Новосибирскую дирекцию «Цирк на сцене». Немногим больше руководил новым цирком и Даниил Кириллович Бабин. В марте 1976 года на посту директора его сменил Иван Архипович Лысенко.

Не без гордости, но и не без грусти, я думаю о том, что без малого шестьдесят лет был верным зрителем цирка. Но и не только зрителем — еще в детстве мне удалось заглянуть за цирковой занавес, за форганг. Впервые в жизни я увидел не только парадное цирковое действо, но и ежедневный труд мажежа, ощутил запах опилок и конского пота. Еще не понимая этого, соприкоснулся с труднопостижимым миром цирка, где меняется суть вещей, где тяжесть легка, а легкость достается тяжким трудом. В цирке всегда всего чуточку больше, чем в жизни. Больше смелости, больше яркости, больше загадок. Мне нравились цирковые — в них всего было слишком, чересчур, через край. Нравился их кураж, уверенность в себе, любовь к жизни. Со многими из них я подружился и приятельствую до сих пор.

Будучи говорящим и пишущим журналистом, я писал о цирке, делал радиопередачи, вел на телевидении цирковую передачу для детей. В документальном кинематографе был сценаристом нескольких фильмов о цирке, даже умудрился написать несколько книжек для детей о цирке. Спасибо, цирк!

Первые два десятилетия не было дня, чтобы я не побывал в новом цирке — на репетициях, на конюшне, на представлении, просто так. Это было хорошее время — в фойе цирка устраивались выставки «цирковых рисунков» художника Владимира Колесникова. Первые рисунки — тушью, перышком — начал он делать в шапито. Был он в то время студентом архитектурного факультета

и, подозреваю, на лекциях бывал реже, чем в цирке. Мне приходилось писать о рисунках Колесникова, не буду повторяться. Скажу только, что яркие, экспрессивные колесниковские рисунки в восприятии зрителей становились частью необыкновенного, невообразимого циркового зрелища. Зрители наверняка помнят выставку и конкурс детского циркового рисунка, запомнился фотоконкурс на лучший снимок о цирке. Причем это все делалось бескорыстно. К цирку тянулись очень разные люди:

— Нас любит цирк, он в нас влюблен! Пока мы в цирке — мы любимы!

К открытию фотовыставки Александр Плитченко написал специально приветствие:

Сегодня вечер праздничен и звонок,
Настала долгожданная пора,
На нас глядят с оживших фотопленок
Советского манежа мастера.
На снимках неожиданных и свежих
Запечатлелась, как живая, жизнь.
Мы видим здесь и артистизм манежа,
И уникальный фотоартистизм.
Никто не сможет здесь не удивиться:
Фотографы увидели наш дом —
Знакомые нам не знакомы лица,
Но в них себя
Верней мы узнаем.
Сложно искусство всякое, любое —
Успех сегодня общий наш и ваш —
Пора, смотрите фото цирковое!
Мы открываем фотовернисаж!

Все это благолепие неожиданно закончилось. Иван Архипович Лысенко ушел на пенсию. В стране началась перестройка, для новосибирского цирка не принесшая ничего хорошего. Лысенко сменил партийный чиновник, со сложным цирковым хозяйством ранее дела не имевший. Следующий за ним директор был настолько активен, что сдал практически все цирковые помещения, включая гардероб, в аренду. Вместо привыч-

ных выставок в фойе шла бойкая ярмарочная торговля. Не торговали разве лишь на манеже. Ходить в эти годы в цирк было и больно, и стыдно.

Все это безобразие продолжалось до тех пор, пока в компании «Росгосцирк» не спохватились и прислали в Новосибирск нового директора. Николай Иванович Тарасов для Новосибирска не был новым человеком. Большая часть его творческой биографии связана с новосибирским цирком:

— После окончания циркового училища Новосибирск стал для меня первым гастрольным городом. Было это в 1963 году, работали мы в шапито. В нашей программе работали такие известные цирковые артисты, как народный артист республики Иван Рубан, воздушные гимнасты Баландины, канатоходцы Гаджикурбановы, клоуны братья Ширманы. Я до сих пор помню, как тепло принимал новосибирский зритель и нашу программу, и наш номер. И этот прием помогал нам, молодым артистам, преодолеть скованность и робость, — рассказывает Тарасов.

Я уже писал, что в группе акробатов-прыгунов, возглавляемых Юрием Канагиным, Николай Тарасов участвовал в первой, премьерной программе нового цирка. Номер Канагина был мирового класса, с ним Тарасов побывал во многих странах. Серьезная травма не позволила Тарасову выступать на цирковой арене. Но вскоре с ГИТИСовским дипломом Николай Иванович приезжает в Новосибирск уже в качестве главного режиссера. Усилиями Тарасова было подготовлено немало номеров и аттракционов высокого класса. Ежегодно ставились «елки» — цирковые новогодние спектакли для детей. К юбилею Вьетнамской республики Николай Тарасов подготовил роскошную программу с артистами вьетнамского цирка. Несколько месяцев Тарасов был и педагогом, и тренером, и «дядькой» вьетнамских артистов. Премьера

Афиша сотой программы сезона.

в Ханое прошла «на ура». Правительство Вьетнама оценило труд Николая Ивановича Тарасова высокой государственной наградой. Небольшой перерыв в режиссерской деятельности Тарасова, пришедшийся как раз на «перестроечные» годы, завершился тем, что он вновь вернулся в Новосибирский цирк, но уже в качестве директора и художественного руководителя. Цирк был в ужасном состоянии, сложностей — выше головы, да и сам цирк из красавца превратился в обветшалого ветерана. А денег на ремонт нет...

Думаю, все эти годы Тарасов довольно успешно справлялся со всеми трудностями, иначе российское правительство не наградило бы его орденом.

И в заключение — снова о вековом юбилее. Фамилия Дуровы — главная фамилия русского, советского цирка. В течение прошедшего века она часто появлялась на афишах новосибирских цирков. И было бы странно не увидеть ее на афише сотого сезона. Народная артистка России Тереза Васильевна Дурова показала тогда нам номер экстра-класса «Акробаты на слонах». В начале представления на манеже появлялись слонихи Монри и Лайма. Стоя на слонах, акробаты держали в руках растяжку: «СОТЫЙ ЦИРКОВОЙ СЕЗОН». Восторгу зрителей не было предела. Бурными аплодисментами встречали они артистов юбилейной программы, как в прошлые годы деды и отцы встречали артистов на манежах всех новосибирских цирков.

Пройдут годы, и наши внуки и правнуки будут встречать аплодисментами артистов цирка на манеже нашего цирка. Да, да! Так и будет! Потому что удивительный цирковой круг никогда не кончается!